

Отзыв

о диссертации В.С. Житенева на тему: «Капова пещера – верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями», представленной к защите на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология

Верхний палеолит – это начало культурной эволюции людей современного антропологического вида (*Homo sapiens*). Впервые появившиеся в Европе около 45 тыс л.н. и получившие название кроманьонцев, наши непосредственные предки сравнительно быстро освоили её от Атлантики до Урала. При этом они частично ассимилировались с жившими здесь до них неандертальцами, переняв от них кое-что в технологиях и на генетическом уровне. За сравнительно короткий промежуток времени кроманьонцы сформировали на территории Европы множество культур и культурных общностей, различающихся технологиями и самобытными традициями. Кроманьонцы были более многочисленными, по сравнению со своими предшественниками неандертальцами, и, соответственно, имели более сложную социальную организацию. Усложнение социальной организации в новых условиях способствовало появлению у кроманьонцев мифологии и вместе с ней таких образований как святилища. Эти культовые комплексы были весьма разные, в зависимости от конкретных условий жизни людей. Однако особенно впечатляющими, несомненно, являются верхнепалеолитические святилища в пещерах, важнейшим атрибутом которых были целые ансамбли настенных красочных рисунков, представлявших собой изобразительное воплощение мировоззрения охотников верхнего палеолита. Они появились приблизительно около 30 тыс л.н. Как показали исследования, распространены эти пещерные святилища на пространстве Европы далеко не повсеместно. Сосредоточены они в основном на территории Западной Европы, в так называемом Франко-Кантабрийском регионе, охватывающем север Испании и юг Франции. В настоящее время здесь за почти 140 лет исследований обнаружено более 200 пещерных святилищ с настенными рисунками.

Однако для других мест на территории Европы такого рода верхнепалеолитические святилища не характерны. В единичных проявлениях они обнаружены в настоящее время лишь в двух районах Центральной и Восточной Европы.

Первый – в Карпатах, на северо-западе Румынии, где в пещерах Кучиулат (*Cuciulat*) и Колибоайя (*Coliboaia*) зафиксированы красочные изображения зверей. Возраст их пока неясен, но по стилю они сходны с верхнепалеолитическими изображениями в пещерах Западной Европы.

Второй район находится у нас в России, на Южном Урале, отстоящем от Франко-Кантабрийской области почти на 4000 км. Здесь ещё 58 лет назад в глубине очень давно известной и почитаемой местным башкирским населением Каповой пещеры/Шульган-Таш на р. Белой биологом А.В. Рюминым – сотрудником местного заповедника, совершенно неожиданно были обнаружены многочисленные настенные красочные рисунки предположительно верхнепалеолитического возраста. Позднее менее определённые настенные красочные изображения были зафиксированы также в Игнatieвской пещере, расположенной несколько севернее на р. Сим.

Открытие настенной живописи в Каповой пещере, безусловно, стало сенсацией. В связи с этим в Институте археологии АН СССР почти сразу была создана специальная экспедиция для работы в пещере под руководством О.Н. Бадера. Были выявлены новые настенные рисунки. Исследователь систематизировал основную массу изображений и доказал верхнепалеолитический возраст многих из них. При этом он первый произвёл сравнительный анализ материалов Каповой пещеры с материалами святилищ Франко-Кантабрийской области, выявив их определённое сходство.

Уход из жизни О.Н. Бадера в 1978 г. прервал исследования в Каповой пещере. Возобновились они спустя четыре года в результате организации специальной комплексной Южно-Уральской палеолитической экспедиции Ленинградского отделения ИА АН СССР под моим руководством. За 10 лет работ экспедиции в пещере многое удалось сделать и выяснить. Было проведено подробное документирование (описание, зарисовка, фотографирование) практически всех настенных рисунков. Изучены стратиграфия и литология пещерных отложений. Впервые открыт и исследован на широкой площади ненарушенный культурный слой верхнего палеолита. Неопровержимо доказана связь его с настенными изображениями. Выявлены специфические особенности культурного слоя и найденного в нём археологического материала, указывающие на то, что верхнепалеолитические люди не жили в пещере, а лишь периодически посещали её, скорее всего, для совершения обрядов, в которых важную роль играли настенные рисунки. При этом они приносили в пещеру, несомненно, воспринимаемую ими как сакральное место, и оставляли в ней, возможно, в качестве приношений или подарков духам некоторые личные вещи, такие как использовавшиеся ранее орудия труда и украшения. Было установлено также, что археологический материал пещеры имеет гетерогенный состав как результат посещения святилища представителями, по-видимому, разных культурных традиций, живших как поблизости, так и в отдалённых регионах (Зауралье, Нижнее Поволжье и Прикаспий). По совокупности полученных естественнонаучных данных был сделан вывод, что святилище в Каповой пещере функционировало в одну из заключительных фаз последнего (валдайского/вюрмского) оледенения в интервале от 14 до 16 тыс л. н. или несколько древнее (радиоуглеродные датировки были получены по древесному углю в нескольких российских и зарубежных лабораториях).

После наших работ раскопки и исследования пещеры были продолжены и другими исследователями. Надо сказать, что интерпретации материалов Каповой пещеры, в контексте изучения первобытного искусства и пещерных святилищ, посвятили свои работы многие отечественные и зарубежные исследователи.

И вот перед нами представленная сегодня к защите диссертация В.С. Житенева на тему «Капова пещера – верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями».

Цель исследования сформулирована так: «на основе комплексного исследования археологического ансамбля Каповой пещеры провести многофакторный анализ близости следов художественных, ритуальных и повседневных практик южно-уральского подземного верхнепалеолитического святилища с подобными франко-кантабрийскими памятниками для выявления степени сходства или различия, а также возможной оценки родства и взаимосвязи».

Вопросы эти, действительно, интересны и актуальны, т.к. до сих пор не вполне ясно, почему на Южном Урале, где верхний палеолит весьма плохо представлен и характеризуется в основном малочисленными и отрывочными комплексами инвентаря кратковременных стоянок в пещерных убежищах, все же возникло это крупное пещерное святилище. Никто не сомневается, что оно сходно с верхнепалеолитическими пещерными святилищами Западной Европы. Однако удивляет то, что оно удалено от них на тысячи километров. И насколько, на самом деле, сходны эти святилища между собой? В чём конкретно проявляется специфика святилища в Каповой пещере?

Для исследования автором привлечены материалы и наблюдения многих исследователей Каповой пещеры, а также данные, полученные им самим в ходе недавних археологических раскопок в ней. Используются также литературные источники, касающиеся информации о некоторых западноевропейских пещерах, определяемых как верхнепалеолитические святилища.

Работа состоит из введения, трёх больших аналитических глав, заключения, списка литературы и архивных материалов из 327 наименований. Отдельным томом представлены многочисленные иллюстрации.

Первое, с чем столкнулся автор исследования, - это необходимость вычленения в пространстве Каповой пещеры следов деятельности людей (вещественных остатков и изображений), относящихся к верхнему палеолиту. Это довольно сложная задача, если учесть, что пещера активно посещалась и использовалась людьми и в постпалеолитическое время вплоть до недавнего исторического времени. Анализируя, в частности, вещественные археологические остатки, нельзя не принимать во внимание также геологическую ситуацию в пещере. Дело в том, что эта пещера представляет собой огромную карстовую систему, формирование которой всё ещё продолжается. Она и поныне сильно обводнена, а накопившиеся в ней рыхлые отложения, в которых погребены культурные остатки, в основном имеют субаквальное происхождение. При этом эти отложения очень сырые, во многих местах топкие, нередко размыты периодическими внутripещерными паводками (древними и относительно недавними) и нарушены карстовыми деформациями (различные поноры, провалы и трещины в полу).

Автор провёл большую работу, чтобы суммировать накопившиеся сведения и попытаться разделить вещественный археологический материал в пещере на верхнепалеолитический и на более поздний. На обоих доступных в настоящее время ярусах пещеры выявлены плейстоценовые рыхлые отложения, содержащие в том или ином количестве верхнепалеолитические культурные остатки. Однако в ряде случаев отнесение отложений и находок в них к плейстоцену/верхнему палеолиту не бесспорно. Понять это можно, так как трудности датировки отложений связаны с их нарушенным залеганием и отсутствием в них надёжных хронологических маркеров (биостратиграфических, палинологических и других). Я имею в виду, прежде всего, описанные автором рыхлые отложения в Купольном зале на среднем ярусе пещеры. Складывается впечатление, что рыхлые отложения в этом зале формировались под сильным воздействием размыва и перемещения культуросодержащих отложений в соседнем зале Знаков, расположенном гипсометрически выше. Водой могли переноситься, по крайней мере, мелкие фракции культурных остатков (древесный уголь, охра, мелкие кости млекопитающих). О вероятном переотложении археологического материала в Купольном зале свидетельствуют также «перевернутые» радиоуглеродные даты отложений, приведённые автором (с. 53). Так, четвёртый горизонт имеет датировку 28050 ± 250 лет, тогда как датировка нижележащего шестого горизонта значительно моложе - 15235 ± 70 лет назад.

Автором широко используется понятие «горизонт посещения» без должного его определения. Поэтому к ним относятся и хорошо выраженный культурный слой с полноценным археологическим материалом, и просто прослойки без артефактов, но окрашенные в охристый цвет или содержащие вкрапления угольков. С этим трудно согласится. Совершенно очевидно, что только наличие артефактов/изделий в контексте с инситуальным характером погребённого/закрытого их залегания может быть критерием наличия археологического комплекса или «горизонта посещения».

Есть также определённая трудность в определении фиксируемых следов деятельности человека непосредственно под настенными рисунками. Хорошо, если они датируются радиоуглеродным методом, как, например, под восточной группой рисунков в зале Рисунков на верхнем ярусе пещеры - 15100 ± 1300 лет назад (данные Т.И. Щербаковой) или когда включающие их отложения имеют литологические признаки, характерные для плейстоценовых отложений, или содержат диагностирующие артефакты. Но, в любом случае, это не горизонт посещения, а, скорее, следы деятельности по изготовлению рисунков. Датировка этих следов с большой долей вероятности указывает и на возраст рисунков. Кроме того, среди находок под рисунками встречены отщепы из кальцита и из-

вестняка. Автор сомневается в их артефактности. Между тем это, действительно, артефакты. Причём происхождение их напрямую связано с технологией изготовления рисунков, а именно – в Каповой пещере перед нанесением рисунка в некоторых случаях производилась оббивка/выравнивание участка поверхности стены, на котором планировалась выполнить изображение. Наряду с оббивкой, мной наблюдалось также применение для этих целей и техники пикетажа. По всей вероятности, именно с этими операциями были связаны обыкновенные речные гальки, нередко находимые в пещере, в том числе под рисунками.

И ещё о некоторых авторских интерпретациях отдельных артефактов, обнаруженных в пещере. В частности, о глыбе известняка с фрагментированным красочным рисунком мамонта и о фрагменте изделия из глины, найденных в ходе моих раскопок в культурном слое в зале Знаков пещеры.

Глыба с рисунком, по мнению автора, является одним из проявлений особого вида художественной деятельности, существовавшей в пещере, и предполагавшей нанесение рисунков на камни с последующим их полным или частичным разрушением (с. 96). Между тем возможна и более логичная интерпретация этой глыбы. На ней имеются признаки («старая» выветрелая лицевая сторона, на которой сделан рисунок, и свежий излом на тыльной стороне) указывающие на то, что глыба с рисунком зверя попросту сама отвалилась или была сбита в древности во время накопления культурного слоя от ближайшей стены зала, у которой располагался культурный слой.

Фрагмент изделия из глины назван автором чашечкой из обожжённой глины и с нерегулярным орнаментом на донце в виде чёточек и крестиков (с. 107-108). На самом деле, у этого изделия обожжена только внутренняя поверхность, и то предположительно. Изделие могло служить и жировой лампой, и чашечкой для растворения и хранения краски (охры). Такого рода изделия из глины отсутствуют в других верхнепалеолитических святилищах Европы. В этом отношении данная находка уникальна. Что касается орнамента. Его нет на изделии. Автор принял за орнамент следы от ножа, возникшие при извлечении изделия из слоя. В слое изделие было очень мягким. С прилипшей на донце глиной от слоя оно было доставлено в Эрмитаж, где без дополнительной очистки было пропитано специальным раствором и закреплено до твёрдого состояния.

В пещере довольно много вещественных артефактов, найденных на полу или среди завалов камней. Многие из них автор относит к верхнему палеолиту. Понятно, что хотелось бы иметь больше материала для анализа. Однако Капова пещера, в отличие от многих западноевропейских верхнепалеолитических святилищ, не является закрытым археологическим комплексом. Люди посещали её и оставляли в ней вещи и в постпалеолитическое время. При этом далеко не все находки из подъёмных коллекций имеют морфологические/типологические признаки, могущие свидетельствовать об их возрасте и, тем более, о культурной принадлежности. Найденные и используемые автором в своих построениях единичные кости млекопитающих часто, к сожалению, не имеют палеонтологических определений, необходимых для установления их возраста. Я имею в виду так называемые «закладки» и «кладки». Приведённые описания многих из них не убеждают в искусственном/намеренном происхождении этих объектов. Исключением является, пожалуй, лишь костяной игловидный двухпазовый наконечник стрелы, возможно, финальнопалеолитического-мезолитического возраста, найденный в трещине рядом со скоплением разнотипных нефигуративных изображений (знаков) на восточной щелевидной стене в дальней части зала Хаоса пещеры. Изображения на этой стене, скорее всего, разновременны.

Автор справедливо оценивает деятельность людей в пещере как довольно сложную и неоднократно повторяющуюся. Эта деятельность носила в основном ритуальный характер и была неразрывно связана с нанесением и использованием рисунков на стенах в нескольких залах на обоих доступных ярусах пещеры.

Поставлен автором и вопрос о культурной принадлежности людей, посещавших Капову пещеру в верхнем палеолите. Надо сказать, что это, безусловно, один из узловых и наиболее сложных вопросов, связанных с изучением пещеры. По мнению автора, пещера посещалась культурно родственными людьми. Какие аргументы? 1. В разных местах пещеры встречены изделия из «экзотического» сырья, в частности, из зауральской яшмы и благородного серпентинита. 2. Каменная индустрия, выявленная в пещере, относится к одной, уральской культуре, выделяемой П.Ю. Павловым.

На первый взгляд, это весомые аргументы. Однако, во-первых, принадлежность археологических комплексов к той или иной культуре устанавливается, прежде всего, технико-типологическим анализом достаточно крупной выборки артефактов. В пещере эта выборка мала и структурно неполна, и её трудно корректно сопоставить с какими-либо археологическими комплексами в уральском регионе. Во-вторых, пока не вполне понятно, что представляет собой так называемая уральская культура. Типологически она не определена достаточно чётко. К тому же, к ней отнесены явно разнотипные памятники возрастом от 19 до 9,5 тыс лет назад при этом рассредоточенные на огромной территории, охватывающей весь Урал и значительную часть территорий к западу и востоку от него.

Таким образом, мнение автора о культурном единстве верхнепалеолитических посетителей пещеры, хотя и имеет право на существование, на мой взгляд, пока недостаточно обосновано археологическими материалами. Палеолитические охотники, посещавшие пещеру, по традициям материальной культуры вполне могли быть и разнокультурны, поскольку, как мы знаем, они приходили в пещеру из разных, в том числе отдалённых мест, таких как Южное Зауралье и Нижнее Поволжье. Вместе с тем их всё же объединяла сама потребность периодически посещать пещеру и совершать в ней определённые обряды. И это главное.

Важной информацией в диссертации являются предварительные результаты физико-химических исследований красок, использовавшихся в Каповой пещере, проводимых в настоящее время А.С. Пахуновым и Е.Г. Дэвлет. Согласно первым результатам этих исследований, краски в пещере неоднородны, равно как неодинакова и рецептура их изготовления. Это открывает новые возможности для установления последовательности нанесения красочных изображений, а также их прямой датировки, так как в составе красок обнаружен древесный уголь.

Рисунки на стенах Каповой пещеры описывали и интерпретировали многие исследователи, имеющие разный опыт прочтения первобытных настенных изображений. При этом, когда работали специалисты, они нередко акцентировали внимание на разных аспектах изображений, исходя, естественно, из своих представлений о том, как и для чего эти изображения надо исследовать. И, надо сказать, такой, во многом субъективный подход к анализу настенных рисунков, неизбежен.

Таким же образом описывает и интерпретирует настенные рисунки и автор диссертации. При этом для него, как мне кажется, особенно важно увидеть в рисунках Каповой, прежде всего, то, что может быть сопоставимо с изображениями в пещерах Франко-Кантабрийской области Западной Европы. Различия не так важны. В этом, на мой взгляд, нет ничего плохого. Напротив, такой подход позволяет выявить в изображениях не замеченные ранее признаки и способствует более полному освещению изобразительной деятельности первобытных людей в Каповой пещере. Но это не исключает критики некоторых интерпретаций рисунков пещеры автором диссертации.

Исследования автора диссертации подтверждают ранее замеченное общее единство красочных изображений в Каповой пещере и при этом наличие существенных различий в композициях или группировках фигуративных и нефигуративных изображений на её верхнем и среднем ярусах. На верхнем ярусе (зал Рисунков) изображения, образующие

две композиции, преимущественно фигуративные (чаще всего изображены мамонты, единично лошади, носорог и бизон).

Подтверждается также единовременность нанесения рисунков верхнего яруса, хотя, как и раньше, не исключается подновление и подрисовка некоторых изображений. На восточном панно, по мнению автора, рисунки не совсем одновременны: нижние более ранние, верхние – более поздние. Действительно, некоторые нижние рисунки на этом панно выглядят более тусклыми/стёртыми. Однако только ли в более раннем возрасте тут дело? Думаю, нет. Плохая сохранность изображений может быть связана и с другими причинами. 1. Изображения в нижних частях стен обычно более подвержены естественным разрушениям, так как ближе к полу пещеры воздухообмен сильнее и колебания микроклимата более выражены. А это очень вредит рисункам. 2. Степенью сухости/влажности поверхности известняковых стен. Нанесение краски на сухую известняковую стену, несмотря на плотность известняка, приводит к относительно быстрому проникновению её в поры камня, высыханию и образованию красочного слоя, устойчивого к микроклиматическому воздействию. Нанесение же краски на влажный и тем более сырой участок поверхности известняковой стены, напротив, не приводит к проникновению её внутрь камня. Возникает поверхностный, слабый и неустойчивый красочный слой, гораздо быстрее разрушающийся/стирающийся под воздействием колебаний микроклимата в пещере.

Общеизвестно, что верхнепалеолитические рисунки верхнего яруса пещеры выполнены красной охрой. Однако автор, похоже, не прочь отнести к верхнепалеолитическим и имеющиеся здесь единичные изображения, сделанные чёрными контурами (углем). О.Н. Бадер считал их поздними подделками. Я целиком разделяю эту точку зрения.

Особенно трудным для автора, судя по всему, был анализ многочисленных настенных изображений на среднем ярусе пещеры, так как здесь они в большинстве своём сохранились гораздо хуже, чем на верхнем ярусе пещеры. Идентификация многих из них затруднена/неоднозначна или невозможна. Виной тому близость залов с рисунками на этом ярусе к входу в пещеру и меньшая устойчивость в них микроклимата (сейчас и в древности).

Тем не менее, автор подробно описал и предложил свою интерпретацию практически всех проявлений красочных изображений, имеющихся на среднем ярусе пещеры. Это важно и интересно. Вслед за предшествующими исследователями констатируется, что во всех залах этого яруса преобладают символические знаки/нефигуративные изображения, располагающиеся поодиночке, различными по плотности концентрациями и, в единичных случаях, в сочетании с фигуративными изображениями. При этом достоверных изображений мамонта, хорошо представленных на верхнем ярусе, не встречено. Вместе со знаками отчётливо различаются изображения лошадей. Изображение лошади сопровождает и имеющийся здесь в дальнем зале (зале Хаоса) редкий рисунок зооантропоморфного существа, сходного и со зверем, и с человеком. По мнению автора, изображения среднего яруса имеют много общего между собой и при этом по ряду признаков (технике исполнения, стилистическим особенностям, прорисовке некоторых деталей фигур) сопоставимы и с комплексами изображений верхнего яруса пещеры. Тем самым, исследования автора подтверждают уже сделанный ранее вывод об одновременности и упорядоченности большинства красочных изображений в пещере (об упорядоченности и сложных смысловых связях различных композиций/сюжетов рисунков в пещере писали А.К. Филиппов, З.А. Абрамова и другие исследователи) и о том, что отдельные места и разные залы с настенными рисунками в пещере, будучи составными частями одного святилища, выполняли свои, в чём-то специфические сакральные функции, несомненно, связанные с мифологическими представлением первобытных людей.

Вместе с тем, вопрос о возрасте изображений в разных частях среднего яруса пещеры нельзя считать полностью решённым. На мой взгляд, не все изображения этого яруса одновременны. Они могли наноситься с перерывами на протяжении сравнительно длительного промежутка времени, судя по всему, в конце верхнего палеолита и, может быть, в начале мезолита. В этом плане, я бы обратил особое внимание на интересное мощное скопление разнородных условных/символических изображений на восточной щелевидной стене в самой дальней части зала Хаоса, несомненно, различающихся по многим параметрам, прежде всего по типам, стилю и краске.

Многочисленные условные символические знаки, несущие, на мой взгляд, важную информацию о функционировании святилища и культурных различиях/сходстве её посетителей, автор описывает подробно и обстоятельно, давая им свои определения. Тем не менее, в связи с этим возникают некоторые вопросы.

Известно, что символические знаки/нефигуративные изображения в настенном и наскальном искусстве, независимо от его возраста и географии, обычно разделяются на две большие категории: клавиформы, включающие в себя такие знаки как треугольники, прямоугольники, сдвоенные и пересекающиеся линии, овалы, круги и некоторые другие, и тектиформы или крышеобразные изображения, напоминающие хижины. В Каповой пещере есть знаки и той, и другой категории. Автор обращает на них внимание и использует в своих построениях. В Каповой пещере доминируют тектиформы. При этом представлены они своеобразными формами, условно названными трапециями с «ушками». Обращает на себя внимание многообразие модификаций этих форм, проявляющихся в различных вариантах расчерченности внутреннего пространства. Таких тектиформ, насколько мне известно, нет в других местах ни на Урале, ни в Европе. Однако автором почему-то не затрагивается этот вопрос.

Среди изображений на среднем ярусе пещеры автор выделяет два новых типа символических знаков, ранее неизвестных. Это «молоточковидные» (Т-образные) и «расчёткообразные» знаки. Однако проявления их единичны и, как мне кажется, нет твёрдой уверенности в том, что они являются самостоятельными изображениями, а не элементами/частями других повреждённых или нерасчищенных полностью изображений. Поэтому едва ли оправдано использование их для широких корреляций.

Лучше понять феномен Каповой пещеры помогает изучение другой уральской пещеры с красочными настенными изображениями – Игнatieвской пещеры, расположенной приблизительно в 200 км севернее Каповой пещеры. Поэтому автор диссертации не обходит вниманием вопрос о возрасте и характере артефактов в этой пещере, учитывая значительный объём уже имеющейся информации по этому вопросу. Большинство исследователей считает, что архаичными, возможно верхнепалеолитическими, в этой пещере являются только некоторые изображения, выполненные чёрным цветом (углем). Автор диссертации воздерживается от однозначной оценки всех материалов пещеры. Однако не исключает, что верхнепалеолитическими в ней могут быть не только чёрные, но и красные изображения, несмотря на выраженную позднюю стилистику и тематику последних. Мне кажется, что это мало вероятно.

Большую работу провёл автор диссертации с литературными источниками с целью выявления сходства материалов Каповой пещеры с пещерными верхнепалеолитическими святилищами Франко-Кантабрийского региона Западной Европы. И это сходство между ними было установлено, причём самого высокого уровня.

В итоге, это позволило автору сделать вывод, смысл которого заключается в следующем. Святилище в Каповой пещере не просто сходно с верхнепалеолитическими пещерными святилищами Франко-Кантабрийского региона Западной Европы, а тождественно им во всех деталях, что указывает на культурную идентичность и принадлежность к одной культурной традиции создателей и посетителей этих святилищ. И далее, как пола-

гает автор, святилище в Каповой пещере было создано в результате переселения/миграции на Южный Урал группы верхнепалеолитических людей именно из Западной Европы (Франко-Кантабрийской области) (с. 267-373).

Гипотеза эта, несомненно, оригинальная. Однако насколько удалось автору аргументировать и обосновать её?

Главный вопрос о различительных особенностях пещерных святилищ как таковых.

Каждое пещерное святилище, где бы оно ни находилось, имеет набор основных признаков, позволяющих идентифицировать этот тип сакральных мест первобытности. Прежде всего, должна быть сама крупная карстовая полость, имеющая разветвлённое строение и отдалённые труднодоступные залы. Уже поэтому, надо полагать, она воспринимаемая первобытными людьми как священное место. При этом основным признаком пещерного святилища является наличие в нём настенных изображений зверей и условных знаков, расположенных на стенах и потолках, группами или поодиночке, главным образом в отдалённых и труднодоступных участках пещеры. Наряду с ними, в пещере должны быть более или менее выраженные следы от деятельности людей, посещавших её для изготовления настенных рисунков и совершения обрядов, в которых были задействованы эти рисунки. Следы от деятельности людей могли быть разными, что зависело от многих обстоятельств. Это, например, культурные слои от временных посещений людей, следы от огня, запасы краски, орудия от работы, светильники, разные приспособления. Весьма частым признаком являются остатки разного рода приношений (подарков, пожертвований), оставляемых людьми мифологическим персонажам. Называть эти следы деятельности и приношений в пещере можно по-разному – «закладки», «кладки», как угодно. Но они есть и должны быть во всех более или менее сохранившихся пещерных святилищах.

Автор диссертации акцентировал внимание именно на этих, общим признаках, свойственных всем верхнепалеолитическим пещерным святилищам, в том числе в Каповой пещере и в пещерах Франко-Кантабрийского региона, и отличающих эти святилища от верхнепалеолитических святилищ других типов, не связанных с пещерами и располагавшихся под открытым небом.

В меньшей степени выявлены и проанализированы отличительные особенности, свойственные святилищу в Каповой пещере и франко-кантабрийским святилищам. Совершенно очевидно, что эти особенности в наиболее отчётливом виде проявляются не в вещественных артефактах, а в настенных изображениях – прежде всего, в их стиле, сюжетах, композициях, в художественной выразительности, в типах и сочетаниях условных знаковых фигур. И если мы внимательно посмотрим на изображения Каповой пещеры и пещер Франко-Кантабрийского региона под таким углом зрения (сейчас есть много прекрасных публикаций материалов этих пещер), то мы увидим, наряду с некоторым общим сходством, свойственным всему европейскому верхнепалеолитическому пещерному искусству, весьма существенные различия между ними. Поэтому, на мой взгляд, автор несколько преувеличивает степень сходства святилища в Каповой пещере с франко-кантабрийскими святилищами.

Настенное искусство Каповой пещеры, несмотря на региональные особенности, имеет общеевропейский характер. Это признают все исследователи, в том числе и автор диссертации. Однако причины появления его на Южном Урале пока не вполне понятны. Автор диссертации, как уже отмечалось, придерживается версии миграции в этот регион группы верхнепалеолитических людей, знакомых с ритуальной деятельностью в пещерах, из Западной Европы. Вместе с тем, на мой взгляд, возможно и иное, как кажется, логичное объяснение феномена Каповой пещеры. Я имею в виду то, что у верхнепалеолитических охотников Южноуральского региона, точно также, как и у других верхнепалеолитических охотников, живших в регионе, где есть большие пещеры, на определённом этапе развития общественного сознания, способ сохранения и передачи информации социально-

культурного характера посредством изготовления изображений на стенах пещеры мог явиться совершенно спонтанно и закономерно. При этом, конечно, определённую роль в формировании и использовании святилища в Каповой пещере могли играть и контакты между коллективами охотников из разных, в том числе западных, близлежащих регионов.

Учитывая большие размеры и сложную структуру святилища в Каповой пещере, автор, на мой взгляд, справедливо определяет его роль и значение в древности как регионального святилища. Археологический материал, происходящий из пещеры, вполне согласуется с этим.

Верхнепалеолитические пещерные святилища на юге Западной Европы создавались и функционировали в течение тысячелетий. Святилище в Каповой пещере в целом синхронно с ними. Однако точное время его создания и хронологические рамки использования в верхнем палеолите пока не вполне ясны. Более или менее достоверно было известно, что наиболее активно оно использовалось в диапазоне приблизительно от 14 до 16 тыс л. н. По мнению автора диссертации, образование святилища могло быть раньше – 36400 л.н. (с.30). Однако нельзя не учитывать, что эта дата была получена уран-ториевым методом датирования кальцитовых натёков, пригодность которого для датировки настенных изображений дискуссионна. Видимо, надо подождать результатов прямого датирования изображений в пещере методом АМС С 14.

В заключение хочу отметить. Диссертация В.С. Житенева является важным и актуальным научным исследованием. В ней обобщена и переосмыслена обширная информация, что позволило автору на базе современных методических и методологических разработок создать новую модель объяснения феномена святилища Каповой пещеры в контексте социально-культурного развития охотничьих коллективов Европы в эпоху верхнего палеолита. Не со всеми положениями и выводами автора диссертации можно согласиться. Но это и понятно, так как речь идёт об исследовании узловых и сложных проблемах науки, не имеющих пока однозначного решения.

Представленная к защите работа полностью отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени доктора исторических наук. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Многочисленные опубликованные работы автора достаточно полно отражают содержание диссертации. Полагаю, что у членов диссертационного совета есть все основания проголосовать за присуждение В.С. Житеневу искомой учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06. – археология.

В.Е. Щелинский,
д.и.н., заведующий экспериментально-трассологической Лабораторией Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории материальной культуры Российской академии наук.

5 мая 2017 г.

191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 18, Институт истории материальной культуры РАН, Тел. (812) 5715162, admin@archeo.ru

